

Московские тайны: ДВОРЦЫ, УСАДЬБЫ, СУДЬБЫ

Нина МОЛЕВА

Хранитель тайн Москвы
о неизвестных страницах ее истории

Нина Молева

**Московские тайны:
дворцы, усадьбы, судьбы**

«Алисторус»

2006

Молева Н. М.

Московские тайны: дворцы, усадьбы, судьбы / Н. М. Молева — «Алисторус», 2006

Москва - наш характер, наша история, ментальность нашего народа. Какими мы были, какие есть и какими еще имеем силы и душевный напор стать - на все эти вопросы отвечают сохранившиеся памятники и архивные документы, до последнего времени остававшиеся неизвестными. К тому же книга выходит тоже впервые на ближние рубежи истории, рассказывая о москвичах, их жизни и даже отдельных особенностях быта вплоть до последнего времени. Чем больше мы узнаем о себе и своих корнях, тем лучше можем познать самих себя. Известный искусствовед, историк, писатель Нина Молева в своей книге, основываясь на архивных находках, увлекательно рассказывает о неизвестных страницах истории Москвы.

© Молева Н. М., 2006

© Алисторус, 2006

Содержание

От автора	5
Почему Москва стала столицей	6
Донской монастырь	10
Петр I и бокс	15
Лосинка	16
Храм Василия Блаженного	23
Сады московские	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Нина Молева

Московские тайны: дворцы, усадьбы, судьбы

От автора

В наши дни стало привычным повторять: история – единственная наука, которая ничему не учит, из которой никто не извлекает уроков. Но так ли это? А главное – кто виноват: история или те, кто знакомит нас с нею, истолковывает ее события, обстоятельства и складывает из них определенную концепцию?

Ведь, по существу, читатель всегда оказывается в плену предлагаемых ему концепций, и, значит, у него нет возможности самому разобраться в прошлом, сделать из этого прошлого собственные выводы и умозаключения, исходя из своего жизненного опыта, здравого смысла, нравственных представлений. И было бы ошибкой думать, что подобный суд составляет привилегию ученых. На великом суде истории голоса профессионалов непременно должны сливаться с судом народным.

Какими бы политическими обстоятельствами ни оправдывали историки возникновение опричнины, народная память не сняла ее проклятия с Ивана Грозного. Какими бы строительными работами ни занимал современников Борис Годунов в годы недородов и стихийных бедствий, как ни распахивал перед людьми двери царских житниц, народ не простил ему крови царевича Дмитрия, и трагедия, постигшая детей Бориса, была воспринята как возмездие высших сил за совершенное злодеяние.

Все современники – присяжные на суде истории, и потому так важно, чтобы все мы располагали не выборочными, специально подобранными чьей-то волей знаниями, но как можно более широким и достоверным кругом сведений.

Обвиняя неких преступников в наших бедах, мы не задумываемся по-настоящему над тем, что главная вина – в нашем собственном незнании. Только знание способно остановить руку и разум в принятии пагубного для людей, народа, наконец, всей планеты решения. Судьба наша зависит сегодня от того, к чему мы склонимся: знать и, значит, активно заявлять о своей позиции или не знать и, следовательно, отдаться мутному, бурному потоку времени, которое неизвестно куда и к чему может нас привести.

«Мы ленивы и нелюбопытны» – слова Пушкина, сказанные в связи с трагической гибелью Грибоедова, относятся ко всей русской истории. Но в подчас трагическом водовороте наших дней с душевной ленью заставляет расставаться сама жизнь. Что же касается любопытства – кто знает, не пробудится ли оно, если по-новому, отказавшись от хрестоматийных представлений, оглянуться вокруг, даже просто всмотреться в примелькавшиеся дома и улицы.

В сегодняшнем городе, с его напряженной и постоянно меняющейся жизнью, бывает не так просто ощутить это дыхание времени, понять, насколько каждый из нас, независимо от возраста, взглядов, убеждений, причастен к нему.

Но для того чтобы по-настоящему осознать себя неотъемлемой частью страны, родной культуры, очень важно видеть Москву через призму ее богатейшей истории и непременно в привязке к продолжающим и сегодня существовать материальным ее свидетельствам, памятникам.

Голоса истории – только они помогут по-настоящему понять самого себя. Человека. Личность. Гражданина. Хозяина и сына нашей земли. Нашей извечной Москвы.

Почему Москва стала столицей

Среди ряда причин, определивших ее возвышение, едва ли не главной была торговля. Уже во времена Юрия Долгорукого по сравнению с другими укрепленными поселениями северо-восточной Руси у Москвы были свои преимущества, благодаря которым она с годами приобретала все большее значение в жизни славянских земель.

Около Москвы сходились становившиеся все более важными в экономике славян торговые пути – от тесно связанного с западом Новгорода Великого в Рязанские земли, от общавшихся с Литвой и Польшей Полоцка, Смоленска к Ростовскому княжеству. Москва завязывает отношения и с далеким Поморьем, и с располагавшимися в Причерноморье генуэзскими колониями. Да и о какой обособленности относительно Западной Европы можно было говорить, когда среди родных сестер деда Долгорукого – Елизавета, королева Норвежская, Анна, супруга французского короля Генриха I, и королева Венгерская Анастасия.

По мере развития в Москве торговли и ремесел к ней начинают тяготеть другие земли, тем более что находилась она в центре тех древнеславянских племен, которые вместе с новгородскими славянами составили ядро великорусской национальности.

Сюда охотно перебираются переселенцы из пограничных, особенно страдавших от набегов кочевников уделов. Характерная черта Москвы – редкое радушие к приезжим – будет сохраняться веками, как и самое широкое обращение к иностранным специалистам. Москвичи умели и любили учиться, но никогда бездумно не повторяли узнанного. Достижения иных культур входили составными частями в тот сплав, которым становилась русская национальная культура, подобно тому как отдельные металлы образуют в своем сочетании несравнимую по прочности с каждым из них в отдельности бронзу.

Английские военные специалисты участвуют на стороне русского войска в Куликовской битве. Через четверть века после Мамаева побоища монах-серб Лазарь сооружает на одной из кремлевских башен «часы чюдни», и с тех пор куранты становятся неотъемлемой частью Кремля. В 1480-х годах Иван III приглашает в Москву лучших европейских инженеров для реконструкции обветшавшего белокаменного Кремля. Выходцы из Милана Антон Фрязин и Марко Руффо организуют производство нового для России строительного материала – кирпича – и с его помощью возводят, обучив предварительно русских каменщиков, стены и башни, сохранившиеся до наших дней.

Через несколько лет к соотечественникам присоединяется Петр Антонио Солярио, представитель третьего поколения строителей знаменитого Миланского собора, чтобы возвести Боровицкую башню, перекликающуюся по формам с башней Суюмбеки в Казани, Спасские и Никольские ворота, всю стену по Васильевскому спуску.

Специально для строительства величайшей святыни русской земли – московского кремлевского Успенского собора – приглашается знаменитый архитектор и инженер из Болоньи Аристотель Фиораванте. За ним числились настоящие инженерные чудеса. Это Фиораванте передвинул в Болонье колокольню Св. Марка, выпрямил в городе Ченто покосившуюся колокольню, спроектировал и провел Пармский канал, соорудил множество замков в Миланском герцогстве. Некоторые историки с немалым основанием готовы видеть его руку и в самой планировке Московского Кремля.

Возведение кремлевской стены со стороны реки Неглинной было связано с проведением сложнейших гидротехнических работ, которые проектирует и осуществляет выдающийся итальянский инженер Алевиз Фрязин Старый. И один из его современников напишет: «Мне нигде не приходилось видеть такой слаженной работы мастеров из разных стран, такого стремления слить свое умение в общем творении». К 1538 году под наблюдением итальянского архитек-

тора Петрока Малого вырастают, по заказу матери Ивана Грозного, великой княгини Елены Глинской, каменные стены Китай-города.

Труд архитектора был замечен для каждого, хотя несколько не меньшую роль играли для Москвы растворявшиеся среди ее коренных жителей заморские торговые гости. Именно они создают из своих домов самую древнюю (вне Кремля) улицу – Варварку.

При Иване Грозном исключительные торговые привилегии и двор для жизни в Москве, а также для хранения товаров получают английские купцы. Грозный же выписывает из Англии врачей. В 1581 году в Кремле открывается первая аптека, организованная английскими специалистами, которые доставляют в Московское государство первую партию заморских лекарств, в том числе камфору, опий, александрийский лист. Они участвуют в работе только что созданного Аптекарского приказа.

Доступ в Московское государство для иностранцев в XVII веке был одновременно простым и очень сложным. Для того чтобы пересечь русскую границу, следовало обратиться с соответствующим прошением в Посольский приказ и представить определенные свидетельства о своей профессии или наличном капитале. Такими документами являлись дипломы лишь некоторых, признаваемых именно в России, западноевропейских университетов, а для купцов поручительства двух русских торговцев, которые собственным имуществом гарантировали порядочность рекомендуемого лица.

На протяжении нескольких месяцев – обычно двух-трех – Посольский приказ рассматривал челобитную и выяснял, испытывает ли государство потребность именно в таком специалисте. В Московском государстве особенно ценились инженеры всех профилей, фортификаторы, строители, врачи, конечно, состоятельные купцы и музыканты-инструменталисты. В документах Посольского приказа, начавшего свою деятельность сразу после избрания на престол Михаила Романова, под первым номером числится дело о разрешении приехать в Москву трубачу Герману Рулю. Насколько успешным было подобное регулирование приезда в Московское государство специалистов, можно судить по нескольким примерам. Первая городская перепись 1620 года фиксирует единственного в Москве лекаря – иностранца Олферия Олферьева, которого можно назвать городским и общедоступным врачом. Но спустя каких-нибудь 18 лет (перепись 1638 года) лекари появляются на многих улицах Москвы, и все с собственными дворами, иначе говоря, обосновавшиеся на долгое житье. К 1660 году они уже рассеяны по всему городу, в том числе и доктора – звание, которым отмечалась высшая ступень медицинских знаний, причем половину лекарей составляли русские специалисты.

И это свидетельствует о прямой связи с процессами, происходившими во всей Европе, будь то Франция, Голландия или Англия. Именно в эти десятилетия анатомия и физиология становятся предметом всеобщего увлечения. Имена врачей начинают соперничать по своей популярности с именами государственных деятелей, а собрания анатомических препаратов составляют основу первых публичных музеев.

В Москве стремительно растет число ученых медиков и уменьшается число знахарей и травщиков. Ширится Аптекарская палата, где лекарства составлялись под «досмотром» врачей. Целый аптечный городок можно и сегодня увидеть на углу Воздвиженки и Ваганьковского переулка, за дворцовым зданием Музея истории и теории архитектуры.

По стремительному росту численности с врачами могли соперничать мастера печатного книжного дела. За те же 18 лет, прошедшие после первой переписи, их число увеличивается без малого в 7 раз. И косвенное свидетельство уважения к специальности – земли под дворы отводятся им не где-нибудь, а рядом с московской знатью и именитыми иностранцами, в устье Яузы.

Москва привлекала иностранцев не только исключительно высокими заработками. В условиях существовавших в Западной Европе религиозных гонений русскую столицу отличала веротерпимость. В Московском государстве принимали представителей всех конфессий.

Никто не вмешивался в дела их веры при одном, но жестко соблюдаемом условии: никто не имел права строить иных храмов, кроме православных, – приходилось обходиться молеельными домами, – и проповедовать свою религию. Попытка проповеди иной веры могла повлечь за собой самое суровое наказание вплоть до сожжения в деревянном срубе.

Зато принятие иноверцами православия всячески поощрялось государством. Его отмечали большими денежными «дачами», для специалистов – предоставлением в Москве двора, земли и во всех случаях – существенным продвижением по службе. Хорошие специалисты могли рассчитывать на то, что будут занесены в дворянские списки.

Тем более поощрялись браки с москвичками, что, по мнению Посольского приказа, гарантировало закрепление иноземца в Московском государстве. Существовало убеждение, что женщины со своей родиной не расстаются никогда.

К середине XVII века население Москвы достигает 200 тысяч человек (учитывались только мужчины), из которых 28 тысяч составляют иностранцы. Ставшее хрестоматийным представление об их изоляции в Немецкой слободе не соответствует действительности. Никто не препятствовал иноземцам селиться в любом районе города, не считая семи собственно иноземных слобод, которые располагались между Тверской-Ямской и Малой Дмитровкой, у Яузских ворот, у Калужских ворот, у Воронцова поля, на месте нынешних четырех Мещанских улиц (район проспекта Мира). Общеизвестная же Немецкая слобода на Кокуе полностью выгорела в 1611 году и стала восстанавливаться лишь во второй половине столетия. При чем земли в ней раздавались военным в зависимости от чина. Когда священники приходских церквей в районе Маросейки начали жаловаться властям на полное запустение своих храмов, поскольку округу плотно заселили иноземцы, в результате чего приходы лишились прихожан, ответа не последовало.

Железного занавеса между Московским государством и Западной Европой не существовало никогда, как не существовало его между Москвой и европейскими столицами. И в этом отношении очень показателен указ царя Алексея Михайловича, предписывавший воеводам на местах помогать каждому, кто «похочет ехать» в чужие страны для торговли или учения, потому что от таких поездок может быть государству Российскому «только честь и прибыток».

Если иноземец получал разрешение поселиться в Московском государстве, его пребывание здесь не ограничивалось никакими сроками. С него не требовали принимать подданство, но находиться «на государевой службе» или заниматься торговым делом, дабы «без толку хлеба не есть и людей безделием не прельщать».

С хорошими мастерами расставались неохотно и применяли все средства, вплоть до прямой силы, чтобы удержать. Но, как правило, по истечении соответствующего контракта иноземец беспрепятственно уезжал со всем нажитым скарбом и получив «честный расчет». Особенно живым было передвижение музыкантов, которые привозили из-за рубежа новинки в смысле впервые появляющихся инструментов, вроде гобоя, валторны, флейты-траверз, различных литавр и музыкальных сочинений, это была своеобразная, но очень развитая система гастролей. Потребность в современной музыке испытывал не только царский двор, но и москвичи-горожане. Достаточно сказать, что каждый сотый статистический москвич был «городовым музыкантом», т. е. жил за счет заработков от городского населения.

Привилегированную касту составляли музыканты-органисты. Орган был любимым, хотя и преследуемым церковью инструментом, начиная еще с XVI века. В постановлениях состоявшегося при Грозном так называемого Стоглавого собора специально запрещалось использовать на народных гуляниях и праздниках органы. Тем не менее запреты оказывались бессильными, и в знаменитой свадьбе шута Шанского в первые годы правления Петра I участвовало 27 органов.

Эта московская традиция свободной жизни иностранцев сохраняется и в последующих столетиях. Не случайно, по словам одного из шведских специалистов, побывавших в древней

столице в конце XIX века, «Москва – единственная европейская столица, где чужестранец чувствует себя с первого дня дома. Может быть, это происходит потому, что Москва ощущает себя мегаполисом всей планеты. Удивительно, но это так».

Донской монастырь

Это было военное чудо, спасшее Москву, точнее – все Московское государство. Бегство татар из-под столицы в июле 1591 года. И в память о чуде – решение царя Федора Иоанновича заложить Донской монастырь и строить его «не жалеючи сил». Впрочем, исходило такое решение, само собой разумеется, не от государя – от действительного правителя России, Бориса Годунова.

Москва. Донской монастырь. Старый собор

Во внешней политике России его правительство со дня вступления на престол Федора Иоанновича продолжало внешнеполитический курс Ивана Грозного. Правда, сначала активные действия в Прибалтике не велись – существовала слишком реальная опасность союза Польши и Швеции. Но коль скоро Польша, начав войну с турками, от подобной коалиции уклонилась, московское правительство нанесло удар Швеции. Речь шла о том, чтобы вернуть Московскому государству захваченные шведами земли и прежде всего возродить «Нарвское мореплавание». Номинально во главе русского войска был поставлен сам Федор, которого поддерживала и сопровождала в походе от Москвы до Новгорода царица Ирина. Борис Годунов нуждался в таком одинаково верном и неутомимом союзнике – родной сестре.

В январе 1590 года русские полки заняли Ям, Копорье и двинулись к Нарве. Под Нарвой воевода князь Дмитрий Хворостинин наголову разбил выступившие ему навстречу шведские отряды, но дальше... Дальше руководство решил взять на себя Борис Годунов в расчете на скорую победу. Совершенно неопытный в военном деле, к тому же склонный скорее к переговорам, чем к решительным действиям, он не стал «норовить немцам», как его подозревали в том современники. Роковая ошибка царского шурина заключалась в том, что он распорядился сосредоточить артиллерийский огонь на крепостных стенах в надежде пробить в них брешь, «а не по башням и по отводным боем бити не давал». Башенная артиллерия противника смогла в результате нанести штурмующим огромные потери.

Девятнадцатого февраля начался главный штурм. Казалось, победа русских была предопределена, хотя бы из-за громадного численного перевеса. Атака крепости началась сразу в семи местах. В главный пролом устремились сразу пять тысяч человек, из них тысяча казаков и две тысячи опытейших стрельцов. Тем не менее шведскому гарнизону удалось отразить этот натиск. Русские стали готовиться подтянуть новые силы. У гарнизона же подобной возможности не существовало, и его командование стало просить мира, не дожидаясь вторичного натиска.

Но для победы московского войска был необходим именно такой второй и как можно более стремительный натиск. Годунов предпочел путь переговоров со шведами, которые те вполне сознательно затягивали. Между тем зима подходила к концу. Поверх льда на реке Нарове стали появляться трещины. Река могла разъединить силы русского войска, располагавшегося по обоим ее берегам. Но даже тогда Борис Годунов предпочел атаке приказ своим представителям «сехатца» (со шведами) и «покачати их (поугovarивать. – Н.М.) про Ругодив» и при любых обстоятельствах заключить мир на условиях... противника. Победа стала невозможной.

Под стенами Нарвы заключается перемирие, согласно которому шведы освобождают захваченные ими ранее крепости Иван-город и Копорье. Россия возвращает себе морское побережье между Наровой и Невой, вот только восстановить «Нарвское мореплавание» не удастся: порт Нарва остается у противника. Осуществленная военная кампания оказывается бессмысленной.

К тому же шведский король Юхан III стал немедленно готовиться к реваншу. Не получив поддержки Польши – Речи Посполитой, он заключает союз с Крымским ханством. Швеция проводит крупнейшую со времени Ливонской войны мобилизацию. К 1591 году на русской границе она сосредоточивает до восемнадцати тысяч солдат. Со своей стороны Крымское ханство, располагавшее поддержкой турок – Османской империи, бросает в наступление до ста тысяч всадников. К крымцам присоединяется Малая ногайская орда. За ханом Казы-Гиреем следуют также отряды из турецких крепостей Очаков и Белгород, янычары и турецкая артиллерия.

Целью вторжения была Москва: слишком большие возможности открывал ее захват и перед Крымом, и перед Турцией, которые могли непомерно расширить свое влияние в Восточной Европе.

Между тем принимаемые Борисом Годуновым решения все более усложняли положение московских войск. Правительство не решается на попытку остановить неприятеля на берегах Оки и отводит полки от пограничных укреплений к столице. Утром 4 июля 1591 года неприятельское войско по Серпуховской дороге вышло к Москве и заняло Котлы. Русские полки расположились под Даниловым монастырем в подвижном укреплении, так называемом «гуляй-городе». Днем произошел первый, как бы пробный бой, а ночью случилось невероятное – татары в панике начали отступление.

Почему? Историки до сих пор не имеют однозначного ответа. Официальная версия, высказанная «Государевым разрядом 1598 года», сводилась к тому, что, когда хан подступил

к «гуляй-городу», русские воеводы с ним «бились весь день с утра и до вечера». Под покровом же ночи Борис Годунов вывел из «гуляй-города» запасные полки и артиллерию, подойдя к татарскому стану вплотную, обстрелял Казы-Гирея и тем вынудил к бегству.

Между тем ни очевидцы, ни участники этих событий подобной версии не подтверждают. Дьяк Иван Тимофеев, служивший в Пушкарском приказе, категорически утверждает, что никакой ночной атаки не было. Татар среди ночи испугала сильнейшая артиллерийская канонада. О том же говорят и московские летописи.

Существует и еще один источник – ранние записи Разрядного приказа, еще не прошедшие редактирования в царской канцелярии. В их изложении все выглядит совсем иначе. Дневной бой ни значительным, ни кровопролитным не был. Казы-Гирей направил к «государеву обозу» сыновей, сам же «на прямое дело не пошел и полков своих не объявил». Чтобы «травиться» с татарами, воеводы послали из «гуляй-города» всего лишь конные сотни. Отдельные стычки длились весь день, но ни к чему серьезному привести не могли.

Вечером хан отступил к Коломенскому и распорядился разбить лагерь по обеим сторонам Москвы-реки. Царские же воеводы «стояли в обозе готовы, а из обозу в то время вон не выходили». В крупных ночных операциях смысла не было прежде всего потому, что осуществлять командование артиллерией и перемещением войск не представлялось возможным. Но дальше произошло настоящее чудо.

Глубокой ночью в «гуляй-городе» поднялся «великий всполох». Спавшие подле орудий пушкари по тревоге заняли свои места и открыли огонь. Вслед за их легкими пушками стали палить тяжелые орудия, установленные на стенах Москвы. Страшный грохот сотрясал землю. Вспышки выстрелов осветили всю округу, и одновременно ее окутали клубы дыма. Не понимавшие случившегося воеводы выслали дворянские сотни к Коломенскому, чтобы разобраться в обстановке. Со своей стороны, татары, ничего не понимавшие в происходящем, увидели русских всадников и обратились в бегство, которому Казы-Гирей при всем желании не сумел противостоять. Слишком свежа была память о страшной ночной сече под Москвой в 1572 году.

Татары, не обращая внимания на свое командование, бежали к Оке, где их могли бы остановить воеводы на окских бродах. Но и тут проявилась нерешительность годуновского правительства. За беглецами было отправлено всего несколько дворянских голов с сотнями. Это они разгромили татарские арьергарды, взяв в плен то ли четыреста, то ли, как утверждают официальные источники, тысячу человек. Немало неприятелей погибло при переправах через Оку. Утонул и возок, в котором спасался бегством сам Казы-Гирей. Пути отступления орды были усеяны награбленным добром. Хан вернулся в Бахчисарай ночью в простой телеге.

Заслуги Бориса Годунова в произошедшем чуде не было никакой. Но тем не менее на торжественном пиру в Кремле по случаю победы Федор Иоаннович снял с себя и надел на шурина золотую цепь. Среди множества наград Борис, которого чествовали как великого полководца, получил золотой сосуд, захваченный в ставке Мамая после Куликовской битвы, шубу с царского плеча и многие земельные владения. Но бесчисленные награды шурина не могли ввести в заблуждение современников, которые писали, что Борис Годунов «во бранех же неискусен бысть» и «оружиносию же неискусен бысть». Тем не менее закладка Донского монастыря как бы окончательно утверждала представление о великой победе. Место для монастыря было определено там, где стояли русские полки и где в особо устроенной палатке-церкви находилась в те дни икона Донской Божией Матери, которая была с Дмитрием Донским на Куликовом поле. Несомненно, принималась в расчет и необходимость дополнить именно с этого направления оборонное кольцо сторожей города. Сегодня она хранится в Третьяковской галерее – икона, окутанная множеством легенд и написанная знаменитым византийским мастером Феофаном Греком.

Известно, что расписал Феофан Грек около сорока церквей. До приезда в Московское государство работал в Галате – генуэзском квартале Константинополя и Халкидоне, по другую

сторону бухты Золотой Рог. Ему довелось работать и в Кафе – генуэзской колонии в Крыму, после чего в 1370-х годах мастер оказался в Новгороде Великом, где расписал церковь Спаса на Ильине улице. Заказы приводят его затем в Нижний Новгород и далее в Коломну. В 1390-х годах он работает в Московском Кремле. Троицкая летопись свидетельствует, что в 1395 году «Феофан иконник, гречин философ, да Семен Черный и ученики их» расписывают здесь церковь Рождества Богородицы. В 1399 году «гречин философ» с учениками расписывает фресками Архангельский собор, а в 1405-м вместе со старцем Прохором с Городца и чернецом Андреем Рублевым работает в Благовещенском соборе, где сохранились до наших дней деисусный и праздничный чины иконостаса.

Обо всех этих обстоятельствах своей жизни рассказывает и сам мастер в своих письмах к Епифанию Премудрому и Кириллу Белозерскому. Едва ли не первый среди иконописцев Феофан Грек обращается и к светской живописи. Им было написано изображение Москвы «в камне стене» для князя Серпуховского Владимира Андреевича Храброго в его хоромах в Серпухове и украшен терем великого князя «незнаеомою подписию и страннoleпною» в Москве. Сохранились, хотя и в повторении, рисунки Феофана Грека, изображающие константинопольскую Софию.

Богоматерь Донская была написана для Успенского собора в Коломне и оттуда в XVI веке перенесена в Благовещенский собор Московского Кремля. Время ее создания – 1392 год, поэтому легендой остается и то, что она была на Куликовом поле, и то, что подарили ее перед сражением великому князю Московскому донские казаки. Достоверно известно, что еще в Коломне перед образом молился Иван Грозный, отправляясь в Казанский поход. В 1687 и 689 годах икону брал с собой в Крымские походы фаворит правительницы царевны Софьи В. В. Голицын.

Так случается не часто, но внутри Донского монастыря в 1894 году между Большим и Малым соборами Донской Божией Матери был установлен четырехгранный обелиск, на котором изложена вся история монастыря. Старейший его храм – иначе Старый собор – возведен в 1591–1593 годах. Одноглавый, бесстолпный, с крестовым сводом, он очень прост по декоративной обработке, и хотя в ней угадываются итальянские приемы, последние очень упрощены московскими строителями. В предреволюционные годы Старый собор служил трапезной. В конце XVII века к нему были пристроены два придела, соединенные с храмом-трапезной двумя столбами. Тогда же появилась и шатровая колокольня.

Настоящее внимание царского двора Донской монастырь приобретает только в годы правления царевны Софьи. С 1686 года начинают сооружаться каменные стены с двенадцатью башнями, которые будут закончены только в 1711 году.

Это вклад дьяка Якова Аверкиева Кириллова, ведавшего лекарственным делом. Его палаты и двор, один из интереснейших памятников древнерусской архитектуры конца XVII века, поныне украшают Берсеневскую набережную, рядом с бывшим Домом правительства.

Монастырские стены выполнены в стиле так называемого московского барокко с характерными декоративными приемами, свидетельствующими о малороссийских веяниях. Особенно замысловатыми оказались завершения башен.

Так до конца не разгадана загадка Большого собора, построенного в 1684–1698 годах по обету старшей сводной сестры Петра I царевны Екатерины Алексеевны. Вообще стесненные в средствах царевны редко решались на подобные траты, к тому же остается неизвестной и причина обета. Всегда интересовавшаяся архитектурой, особенно заботившаяся о внутренней отделке своих покоев в теремах, царевна Екатерина Алексеевна успевала подумать и о своих помещениях в Новодевичьем монастыре и – едва ли не главное для ее благополучия – никогда не раздражала Петра. Петр ни в чем не ограничивал старшую сестру, ни в чем ее не подозревал, охотно допускал ее жить в Петербурге.

В плане Большой собор имеет форму креста, середину которого представляет квадрат, а концы – апсиды. Благодаря такому решению зодчий получил возможность поместить четыре главы храма крестообразно, по сторонам света, что тоже свидетельствует о малороссийском влиянии. Из этих пяти глав, которыми увенчан собор, вызолочена только центральная, тогда как остальные покрыты ярью с медными позолоченными звездами.

В 1717 году собор был окружен крытой галереей со сводами и широкими двойными окнами. Впечатление монументальности храма в интерьере подчеркивается превосходным шестиярусным иконостасом конца XVII века, русской работы. Внутренняя роспись выполнена в 1782–1785 годах живописцем Антонио Клаудо по эскизам архитектора В. И. Баженова.

По окончании стены над северными воротами сооружается церковь Тихвинской Божией Матери, предположительно архитектором И. П. Зарудным (1713–1714), а с вступлением на престол Анны Иоанновны – колокольня над западными воротами (1730–1753), создание которой связывается с именами архитекторов Доменико Трезини, строителя Петропавловской крепости и одноименного собора в ней в Петербурге, И. И. Шеделя, известного по работам в Александро-Невской лавре, и московского зодчего А. П. Евлашева. Незадолго до Отечественной войны 1812 года в Донском монастыре строится церковь Архангела Михаила (1806–1809), служившая усыпальницей князей Голицыных, выдержанная в стиле классицизма.

Одним из знаменательных событий в истории обители становится Чумной бунт 1771 года, когда разъяренная толпа убила прятавшегося от нее на хорах Большого собора епископа Амвросия. Все началось с площади у Варварских ворот Китай-город, где висела икона Боголюбской Божией Матери. Во время бушевавшей эпидемии, ежедневно уносившей сотни жизней, священнослужители спустили икону и ежечасно служили около нее молебны, причем верующие толпами прикладывались к святыне. Один из образованнейших людей своего времени, епископ Московский Амвросий (в миру Зертис-Каменский), богослов и духовный писатель, распорядился снова поднять икону, за что и подвергся нападкам народа. Его тело было растерзано (прах епископа покоится в Старом соборе). В память же избавления Москвы от чумы, в котором принял участие специально присланный императрицей Екатериной II Григорий Орлов, установился обычай ежегодно 15 июня служить перед иконой благодарственные ночные молебны.

В 1812 году монастырь подвергся разграблению наполеоновскими войсками, но все его постройки уцелели, а наиболее ценное имущество заблаговременно вывезено в Вологду.

Петр I и бокс

Эту подробность сохраняли расходные книги магистрата города Гданьска за февраль – март 1716 года (ПНР).

В Северной войне Гданьск предпочел союз со шведами. Шведы проиграли. Городу предстояла расплата с победителями – Россией, Петром I. Переговоры о «кондициях» мирного договора и контрибуции Петр собирался вести сам. Гданьск лежал на пути его второй поездки по странам Западной Европы. Здесь должны были состояться свадьба старшей царской племянницы, Екатерины Иоанновны, с герцогом Мекленбургским – земли Мекленбурга находились в непосредственном соседстве с балтийскими берегами, и брак русской царевны закреплял благоприятную для России политическую ситуацию на Балтике, – и под благовидным предлогом семейного торжества встреча с польским королем курфюрстом Саксонским Августом II Сильным.

«Походный журнал» Петра отмечает, что за 18 дней царский поезд проделывает путь Петербург – Ларва – Дерпт – Рига – Митава – Либава – Мемель – Кенигсберг – Гданьск. Можно было много быстрее, но Петр хотел осмотреть все возможные фортификационные сооружения, проверить действия следовавшего за ним по морю русского военного флота. Он не изменяет своим обычным интересам и в Гданьске.

Подробнейшим образом осматриваются городские укрепления, новооборудованный цейхгауз – арсенал, верфи, гимназия, городская библиотека, невиданных размеров водяная мельница. Петр успевает побывать и в городской бане, и в тюрьме, и в Мариацком соборе с его прославленным алтарем кисти Ганса Мемлинга «Страшный суд».

Но город, со своей стороны, хотел почтить высокого гостя, произвести на него возможно более сильное впечатление. В расходы магистрата заносятся суммы, потраченные на пышнейший фейерверк. На центральных площадях пускаются фонтаны вина, а на площади Рынка для народа выставляется целиком зажаренный бык, начиненный дичью и птицей. Центром же праздника становится большой специально сооруженный деревянный театр. Здесь гданьчане показали Петру старинное игрище – состязание мясников на приз гуся, пляски матросов и... схватки боксеров.

Да, справочники утверждают, что начало боксу было положено в Англии в 1719 году неким Фейггом и что, помимо английского, пользовался известностью также так называемый французский бокс, допускавший удары ногами и головой. Однако записи гданьского магистрата не оставляют сомнений: Петру и его гостям было показано несколько схваток именно английского, то есть наиболее близкого к современному нам бокса, который продемонстрировали те же моряки.

Понравился ли этот вид спорта русским зрителям, судить трудно. Скорее всего, нет, потому что никаких похвальных отзывов современников не появилось, промолчал и «Походный журнал», а главное, Петр не сделал такой характерной для него попытки обучиться еще одному новому умению. А вот бокс, оказывается, уже давно существовал – в Немецкой слободе он назывался «дракой в рукавицах», по выражению стрельцов, наблюдавших за англичанами.

Лосинка

Только к IX веку нашей эры заселили московские земли пришедшие с юга славянские племена – вятичи и кривичи, вытеснили своих финно-угорских предшественников. Родоначальником вятичей, которые к XI столетию освоили весь бассейн Москвы-реки, наша древнейшая летописная история – «Повесть временных лет» называет легендарного племенного вождя Вятко. И входили вятичи в состав Древнерусского государства со столицей в Киеве.

Следы вятичей остались почти на границе Лосиноостровской, на берегу Язуы. Это курган, или иначе сельское кладбище, которых в общей сложности обнаружено на территории Москвы около семидесяти. Ранее вятичи имели обычай сжигать умерших.

В погребениях удалось обнаружить остатки льняных и шерстяных тканей местного производства и привозных шелковых, кожаную обувь, предметы христианского культа – кресты и образки. Занимались здесь вятичи пашенным земледелием, сеяли пшеницу, теперь уже и рожь, горох. На огородах возделывали реку, тыкву, капусту, лук, чеснок, пряности вроде чеснока, укропа, мяты, аниса. В садах растили яблони, вишни, сливы.

Были местные жители отменными охотниками – в лесах не переводились пушные звери. Меха служили разменной монетой при торговле, особенно с иностранцами. Важным промыслом было бортничество – сбор меда и воска диких пчел из дупел деревьев.

Но те же дремучие леса, которые щедро кормили местных жителей, жителям других областей представлялись недоступными и попросту опасными. Из Киева в Ростов Великий и Суздаль из Киева старались добираться через Смоленск и верховья Волги, вятичских лесов избегали. Великий князь Киевский Владимир Мономах, все же решившийся их пересечь на пути из Киева в Ростов, считал свой поступок едва ли не подвигом. Каким был тот древний дремучий лес, сегодня позволяет нам составить себе представление Лосиноостровский заповедник, особенно тот его уголок, в 6 километрах от Лосиноостровской, где расположено охотничье хозяйство и успешно разводятся пятнистые олени. Недаром он получил название «Подмосковной тайги».

Владимир Мономах ехал нашими местами, чтобы заложить близ древнего Суздаля новый город – Владимир. По этой же дороге его младший сын, князь Юрий Владимирович Долгорукий, направится в Москву, чтобы распорядиться обнести ее новыми укреплениями, построить «град Москву». Путь его лежал по нынешнему Ярославскому шоссе и дальше по проспекту Мира и Сретенке. Это была едва ли не главная дорога вятичских земель, потому что только по ней можно было попасть и во вновь отстроенный Владимир, и в Суздаль, и в Ростов Великий, и в Переславль-Залесский. С середины XIV века потянулись богомолы и обозы и к новому монастырю – величайшей русской святыне – как его называли, Троице-Сергиеву монастырю.

Когда-то преобладали на этом направлении непроходимые еловые и сосновые леса, тянувшиеся до самого Владимира. Но все равно местность оставалась заболоченной, пересеченной множеством ручьев и речушек. Что говорить, если на одной территории Москвы было их больше 120, теперь в подавляющем большинстве своем или засыпанных, или взятых в подземные трубы.

Но для тех же вятичей каждая речушка была средством сообщения. По ней, минуя бурелом и лесные завалы, можно было пробираться от селения к селению и летом – на суденышке, и зимой – по льду.

Тем большее значение приобрели водные пути, когда стала развиваться Москва – центр, через который пролегали торговые пути во все стороны света. Не обойтись здесь было без волоков. Так называли водораздельные участки между верховьями двух рек, по которым можно было перетаскивать – проволакивать суда по земле из одного речного бассейна в другой.

Вблизи Москвы таких волоков было несколько. Волок с реки Ламы в Озерну и Рузу, а затем в Москву-реку соединял столицу с Волгой. На этом волоке возник город Волоколамск.

Совершенно исключительное значение имел путь из Москвы-реки по Яузе в Клязьмы, к Владимиру. Волок начинался в верховьях Яузы, при впадении в нее речки Работни, где стоит сейчас город Мытищи. Не случайно и это название. Волоки, где суда полностью разгружались, были наиболее удобными для сбора пошлин с товаров – мыта.

Но с течением времени особенно развиваются сухопутные дороги. К концу XIV века, после Куликовской битвы, Москва превращается в крупнейший русский торговый и ремесленный центр, с богатейшим торгом и стремительно разрастающимся посадом. Дороги, соединяющие Москву с удельными княжествами, со времени становятся главными городскими улицами: Тверская – на Тверь, Дмитровка – на Дмитров, Серпуховская – на Серпухов и т. д. Уже к этому времени было известно 12 дорог, веером расходящихся от Москвы.

Куликово поле показало татаро-монгольским ордам русскую силу. Показало оно и самим русским удельным князьям, что сила их в единении. Но уже спустя год после Мамаева побоища орда захватила и разграбила Москву. А когда направился на русскую столицу Тамерлан, решено было обратиться за помощью к величайшей русской святыне – образу Владимирской Божьей Матери. В 1395 году образ принесли из Владимира, мимо будущей Лосиноостровской, в столицу. Память об этом событии поныне живет в названиях московских улиц. Место, где москвичи встречали святыню, получило название Сретенки – встречи. Так первоначально стала называться не только нынешняя Сретенка, но и Большая Лубянка, и Никольская – вплоть до Никольских ворот Кремля, куда принесли Владимирскую Божию Матерь и установили в Успенском соборе.

Росла Москва, разрастались окружавшие ее деревни и села, но леса под Мытищами оставались нетронутыми. Уже правнук Дмитрия Донского Иван III любил выезжать сюда на охоту. Предпочитал многим другим местам нынешний Лосиный остров и сын Ивана III от греческой принцессы Софьи-Зои Палеолог – Василий III. Так установилось в обиходе великокняжеского двора, что по осени направлялся князь с супругой и свитой на богомолье, а между делом и на охоту. Путь всегда лежал на север, в направлении Троице-Сергиева монастыря и дальше, к Александровой слободе. Слободу заложил Василий III как место своего отдыха во время осенней охоты.

Но что примечательно – берегли великие князья подмосковный уголок, заботились, чтобы не уменьшались в нем запасы зверя и дичи. С тем Иван Грозный, первенец Василия III, объявил земли Лосиноостровской заповедными. И это во второй половине XVI столетия!

Объявить леса заповедными было делом не простым. Одного слова царского указа представлялось недостаточным. Для этого следовало, чтобы священник в полном облачении, в окружении клира, с хоругвями обошел нужный участок. При этом певчие и собиравшиеся толпы молящихся пели «Слава вышних Богу», и только потом священнослужитель «заповедал» не трогать леса, не охотиться в нем, тем более не производить порубку. Выходит, Ивану Грозному обязаны потомки сохранением Лосиноостровского заповедника.

Бережное отношение к подмосковной фауне вообще характерно и в последующие годы уже для московских царей. Известен «Зверинец» в Измайлове, которым занимался отец Петра I, царь Алексей Михайлович. Славился и царский «Зверинец» на месте нынешнего зоопарка, основанный старшим братом Петра I – царем Федором Алексеевичем. Во все «Зверинцы» и заповедные леса завозились самые разнообразные звери, в том числе и заморские, которых доставляли приезжавшие в Московское государство иностранные послы. Были среди подарков слоны, львы, тигры, барсы, всяческие хищники и диковинные, как тогда говорили, птицы. Русские хозяева рассуждали, что от всякой попытки обогатить животный мир Подмосковья «ино Русской земле может быть прибыль». Также бережно – «счетом» велась и царская охота. Тем более строго-настрого было запрещено убивать самок, детенышей.

«Ино что детям своим и внукам, оставим», рассуждали наши предки.

Ярославское шоссе, называвшееся Троицкой дорогой, всегда отличалось исключительной оживленностью. Знаменитый путешественник и живописец, голландец Корнелис де Брюин, направлявшийся в столицу из Архангельска в канун 1701 года, с изумлением писал, что череда саней с поклажей, проезжавших ему навстречу, не прерывалась ни днем ни ночью. Русские и иностранные купцы спешили со своими товарами, хлебом, всяческого рода съестными припасами. А скольких исторических личностей перевидала проходящая рядом с Лосиноостровской дорога! В 1612 году это спешившее к столице народное ополчение во главе с Мининым и Пожарским. В 1613 году – избранный на царство первый из Романовых царь Михаил Федорович с пышной свитой. В 1689 году мчался к Троице молодой Петр I, спасавшийся от сестры-правительницы царевны Софьи Алексеевны. Все цари проходили здесь на богомолье и обязательно пешком, почему по всей дороге до монастыря выросли так называемые путевые дворцы. В них можно было передохнуть и провести ночь. Такой дворец стоял и в соседнем с Лосиноостровской Тайнинском.

Значительно изменилась роль Троицкой дороги, да и уклад жизни всей окружающей местности, после проведения в 1860-х годах Северной железной дороги. Впрочем, судьбы Лосиноостровских земель при этом не изменились. Они по-прежнему оставались заповедными и потому стали для русской художественной школы, а точнее – для школы московской настоящей зеленой академией.

Все началось с класса пейзажной живописи, который начинает с 1850-х годов вести в Московском училище живописи, ваяния и зодчества замечательный русский пейзажист Алексей Саврасов. В отличие от Петербургской императорской академии художеств Московское училище было предназначено для беднейших слоев населения России. В нем не требовалось от поступающих ни определенного образовательного ценза, ни даже сколько-нибудь приличной одежды. Каждый одевался как мог, многие питались одним чаем с ситным, ночевали, прячась от сторожей, в самом здании училища, на углу Мясницкой и Юшкова переулков. Так долгое время пришлось перебиваться будущему знаменитому пейзажисту Левитану. И вместе с тем это было, по выражению самих воспитанников, «свободнейшее учебное заведение во всей России».

Но даже в этих условиях класс пейзажной живописи, которым начал руководить 26-летний Саврасов, обращал на себя внимание свободой и увлеченностью учащихся. Саврасов проводил в классе целые дни, независимо от расписания, и при каждом удобном случае заставлял своих питомцев отправляться работать на природе. Обычно это были сравнительно недалекие Сокольники, куда ходила конка, но куда добирались юные пейзажисты непременно пешком, чтобы сэкономить единственный имевшийся в кармане пятак. Поэтому столько раз Сокольники появляются на полотнах художников, начиная с картины Левитана «Осенний день. Сокольники».

Когда же снег сходил и дороги подсыхали, Саврасов отправлял своих питомцев в дальнюю дорогу – к нынешней Лосиноостровской, говоря, что нигде кроме не найдут они такого благоуханного леса, такой лесной тишины и жизни природы. «Потом там появилась железнодорожная станция, – вспоминал один из учеников Саврасова, Константин Коровин, – а при нас поезда со свистом проносились мимо. А мы, по пояс в разнотравье, папоротниках, отыскивали местечко для работы и забывали обо всем, кроме необходимости экономить краски. Писали аккуратно, берегли каждый мазок, чтобы и на следующий этюд хватило. Главное было чувство передать то, от чего теплело в груди и слезы набегали. Между собой толковали, что дешевле тратить: масло или краски. Обед оставляли до дома. За работой и голод донимать переставал. Мы с Левитаном очень тому удивлялись».

Но и уже известным художником, успешно выступив театральным декоратором в Русской частной опере Саввы Мамонтова, Константин Коровин испытывает те же лишения. В то

время как его сверстники разъезжают по самым прославленным уголкам Западной Европы, Константин Коровин вынужден оставаться в Москве даже на летнее время и тогда выбирает для работы знакомые места. Он селится на окраине Медведкова и каждый день направляется к будущей Лосиноостровской. «Я даже не знаю, на что купить красок, – записывает он в записной книжке 1892 года. – А я доньше доброе имел спеть людям – песню о природе красоты». «Только искусство делает человека человеком», – отзывается он через несколько страниц.

Сегодня образы, вдохновленные лосиноостровскими местами, разбросаны по крупнейшим музеям России. Едва ли не интереснейший из них «Лосиный остров в Сокольниках», хранящаяся в Третьяковской галерее картина Саврасова, за которую художник получил в 1870 году I премию Московского Общества любителей художеств, и этюд к ней. В тех же местах написана саврасовская картина «Дорога в лесу» 1871 года, которая находится в Русском музее, тогда как этюд к ней в Третьяковской галерее. К этому можно прибавить многочисленные этюды и зарисовки Левитана, Константина Коровина, десятков других выучеников Московского училища.

Незадолго до своей кончины в 1898 году художница Елена Поленова напишет: «Всегда с особым чувством проезжаю станцию с длинным названием Лосиноостровская. Как-то стало принятым спешить в Абрамцево, а вот если писать лес для сказок, пожалуй, стоило бы остановиться на Лосином. Есть в нем что-то таинственное, которое не разрушают даже первые строящиеся здесь дома. Плотники суетятся, подводы едут...»

К. А. Коровин. Эскиз декорации к опере «Садко»

Лосиноостровская возникает как дачный подмосковный поселок. Само понятие Лосиного острова означало в обиходе старого русского языка бугор, сухое место среди топей. К острову в таком смысле относилась собственно правая (от Москвы и от железнодорожной линии) часть поселка, расположенная на песчаном грунте. Левая была более низкой, глинистой и сыро-

ватой. Но именно с этой стороны селятся одни из первых застройщиков Лосиноостровской московские банкиры Джамагаровы.

Банкирский дом Джамагаровых возник еще в 1874 году и пользовался вполне заслуженным доверием биржевиков и промышленников. Им руководили братья – коммерции советник Иван, потомственные почетные граждане Николай и Александр Исааковичи, а в его состав входили Афанасий Исаакович, Исаак Исаакович и сын Николая – Степан Николаевич. Помещался Банкирский дом в собственном доме на Кузнецком мосту (№ 6). Там же находилось и родовое гнездо Джамагаровых (№ 12). В столице братья были известны своим деятельным участием в благотворительности.

Так, Иван Исаакович входил в Благотворительный тюремный комитет, имевший своей целью обеспечивать материально освободившихся после отбытия наказания заключенных, их семьи.

Отдельно комитет заботился о тех, кто оказался в долговой яме, не будучи в состоянии выплатить свои долги.

Благотворительные взносы И. И. Джамагарова оказались так значительны, что он избран пожизненным членом комитета. Его племянник Степан Николаевич берет на себя обязанности директора Яузского отделения Московского совета детских приютов. И оба они заботятся о том, чтобы их подопечные могли на летние месяцы уезжать в Лосиноостровскую. Джамагаровы углубляют и расширяют старый пруд в рождающемся поселке и поддерживают вскоре возникшее Общество благоустройства «Джамагаровки», которое представляет Вера Ильинична Забизовская. О детском досуге летом заботится жена И. И. Джамагарова – Екатерина Власьевна.

Другими «первооткрывателями» зарождающейся Лосиноостровской становится семья Гриневых.

Еще не так давно в московском обиходе существовало понятие «Гриневской крепости», как называли землю от Верхней Красносельской до линии Северной железной дороги. Когда-то здесь существовал большой пруд, давший название улицам и переулкам – Красный. Со времен Петра I Москва съезжалась сюда на Троицкое гулянье. На берегу пруда располагались владения многих соратников Петра, в том числе А. Д. Меншикова, любимой царской сестры царевны Натальи Алексеевны.

В середине XVIII века итальянский антрепренер Локателли соорудил около Красного пруда большой деревянный театр для оперных спектаклей – москвичи с большой охотой заполняли рассчитанную на 3 тысячи мест залу, хотя исполнение шло на итальянском языке. В этом же помещении состоялся первый московский спектакль первого русского актера – ярославца Федора Волкова.

С появлением Петербургской, а затем и Северной железной дороги понадобилась земля для нужд железнодорожного хозяйства. Пруд начали постепенно засыпать. Среди приобретавших появляющуюся землю были Гриневы, семье которых вплоть до 1917 года принадлежало несколько домов в Красносельских переулках. Они же пожертвовали часть своего участка Алексеевскому монастырю для устройства кладбища. Из троих детей служившего «по судебному ведомству» Егора Ивановича Гринева Иван Егорович стал художником Московской конторы императорских театров и основал существующее поныне собрание произведений западноевропейского искусства XIV–XVII веков. Двое других – дочь Ираида и сын Василий занялись предпринимательской деятельностью и в ходе ее обратили внимание на начавшую строиться Лосиноостровскую.

Супруга старшего биржевого маклера на Московской хлебной бирже Ираида Егоровна Попова оказывается в числе первых в России женщин, занявшихся маклерским делом. Причем специализируется она не на простой недвижимости, а на продаже фабрик и заводов. Сын Поповых учится в Кадетском корпусе, дочь оканчивает Высшие женские курсы и становится врачом-акушером. И. Е. Попова не только строит в Лосиноостровской несколько огромных дач,

выделявшихся искусной резьбой – резчики из Пушкина славились в этом отношении исключительным мастерством. По ее заказу архитектор планирует большие открытые террасы на первом и втором этажах. И. Е. Попова участвует значительными средствами в благоустройстве улиц и организации местной гимназии.

Василий Егорович Гринев многие годы остается старшиной и председателем Московской мещанской управы, которая располагалась в центре Москвы, в Георгиевском переулке.

В качестве выборного московского мещанского сословия он также долго входит в городскую управу. Известна широкая благотворительная деятельность Василия Егоровича. Он выступает попечителем Покровской мещанской богадельни на 1100 мест. Следит за ее обеспечением, финансовые нехватки восполняет из собственного кармана, заботится о гостинцах, которыми отмечался каждый праздник – Рождество, Пасха, двенадцатые праздники. Богадельня по организации считалась едва ли не лучшей в Москве.

Те же заботы В. Е. Гринев переносит и на Лосиноостровскую. Он участвует в летних каникулах в Лосиноостровской Городского сиротского приюта имени братьев Бахрушиных. В зимнее время приют располагался в собственном доме на 3-м Лучевом просеке, у Алексеевской водоканализационной станции. Благодаря В. Е. Гриневу сюда могут выехать Приют имени доктора Ф. П. Газа, «доктора бедных», как его называли в Москве (зимой приют находился на Оленьем Камер-Коллежском валу), и даже Елизаветинские Алексеевские ясли. В. Е. Гринев участвует в проведении в Лосиноостровской водопровода. Кстати, принадлежащий ему дом был построен тем же архитектором, что и дом сестры, но только по другую сторону железной дороги.

В целом население постепенно образовавшегося поселка отличалось не только зажиточностью, но и живым интересом к оборудованию возможно большего круга коммунальных удобств. В результате появляется Общество благоустройства местности «Лосиноостровская», которое располагалось вблизи железнодорожной станции, в здании местной гимназии. Но правление Общества находилось в Москве, на Старобасманной улице (№ 15).

Председателем Общества в последние предреволюционные годы был Сергей Павлович Золотарев, имевший собственную дачу на участке № 112 по Станционному проезду. Товарищем председателя выступает редактор газеты «Лосиноостровский вестник» Александр Иванович Никитин, казначеем – инженер путеец Семен Гаврилович Будаков из Службы тяги Северной железной дороги. Среди членов правления Общества с Северной железной дорогой был связан и Валерий Андреевич Петровский – контролер при Службе сборов. Стоит перечислить и другие имена общественных деятелей Лосиноостровской – у их потомков могут оказаться самые неожиданные материалы по истории Лосинки. Это Алексей Иванович Котельников, Семен Петрович Митрофанов, Эдурд Эразмович Тиери, Виктор Александрович Птицын, Сергей Николаевич Красовский.

Особого внимания заслуживает приват-доцент Московского университета по физико-математическому факультету Александр Александрович Борзов, всего лишь арендовавший дачу Носилова по Савеловскому проезду, но практически безвыездно живший в Лосинке. Он преподавал математику в Практической академии коммерческих наук, которая размещалась на Покровском бульваре, является старшим помощником директора императорского Румянцевского музея (директором был князь В. Д. Голицын). В Лосиноостровской А. А. Борзов хлопот о благоустройстве улиц – почти все они представляли проложенные в лесу просеки – и открытии большой библиотеки.

В Лосинке возникает и еще одна общественная организация – Общество благоустройства Лосиноостровского поселка торговых служащих, которое располагалось по правой стороне Троицкого шоссе. Вместе с председателем Н. А. Елецким в него входили члены правления А. П. Огурцов, К. Я. Суслин, П. П. Хорошавин, В. Н. Марков и А. И. Кольхерт.

Через 12 лет после того, как была срублена первая дача, в Лосиноостровской открывается гимназия, в 1911 году – лечебница. Закладывается основа местного музея, который в 1920-х годах будет окончательно оформлен Главнаукой как Опытно-лабораторный музей по изучению района (Осташковское шоссе, 63). К 1917 году в поселке насчитывалось более 1500 домовладений, большинство из которых было занято постоянно живущими жильцами. На летний сезон выделялась лишь небольшая часть площади для дачников, особенно дороживших целебными особенностями Лосинки: она была признана одним из лучших в Подмоскovie мест для лечения туберкулеза.

В письмах Константина Коровина тех лет есть строки: «Лосиная все больше начинает походить на европейский курортный городок, пожалуй, только более шумный и оживленный, чем у немцев. Но та же яркая гуляющая публика, те же непременные больные в окружении служащих и врачей, дети с гувернантками, скучающие барыньки. Как-то странно видеть все это на пути в лавру. Меняются времена, ничего не поделаешь, меняются!»

Сходство с немецким курортным городком было сразу уничтожено после 1917 года. Прежде всего сменили свое название почти все улицы. Вдоль железнодорожного полотна, с правой стороны, около платформы, протянулся проезд Троцкого, через дорогу – Ульяновский проезд. Появились Коминтерновская улица (параллельно пр. Троцкого), проезды Карла Маркса, Чичерина, Луначарского, Коммунистов. В 1925 году поселок объявляется городом. Предполагалось, как утверждает современный путеводитель, в следующем же году пустить от Москвы до Пушкина, через Лосиноостровскую, автобусную линию, а возможно, и трамвайную.

Население Лосиноостровской стремительно растет. По существу, она становится городом-спутником. Летом 1929 года Москву с Мытищами соединяют электропоезда. В 1930-м электролиния протягивается до Пушкина и до Щелкова по Щелковской ветке. В 1930-х годах в Лосиноостровской в центре города оборудуются два больших сосновых парка.

В 1939 году город Лосиноостровск переименовывается в город Бабушкин в память уроженца соседней деревни Бордино известного полярного летчика Михаила Сергеевича Бабушкина. Окончив в числе первых русских авиаторов в 1915 году Гатчинскую военно-авиационную школу, Бабушкин с 1923-го года работал в Арктике. Он участвовал в спасении экспедиции Нобиле (1928), в экспедициях на пароходе «Челюскин» (1933) и ледоколе «Садко» (1935), в высадке дрейфующей станции «Северный полюс-I» с папанинцами (1937). Погиб Бабушкин в авиационной катастрофе, а в 1960 году Лосиноостровская лишилась его имени. Памятью о летчике осталось наименование улицы и станции метрополитена, выстроенной в 1978 году по проекту архитекторов В. И. Клокова и Л. Н. Попова.

Сегодня это просто часть Москвы – сколько разных и неповторимых уголков вобрала в себя древняя столица! И все же неповторимость Лосинки продолжает сохраняться – стоит внимательно всмотреться в ее улицы с новой застройкой, в остатки былых рощ, в лица людей.

Храм Василия Блаженного

Красная площадь – красивейшая и самая почитаемая площадь России. Недаром сегодня она вошла в число историко-культурных памятников всемирного значения. Кремлевские стены со Спасскими и Никольскими воротами. Здание Исторического музея, о котором мы говорим отдельно. ГУМ. И, конечно же, Василий Блаженный, как мы его называем, а правильно – собор Покрова что на Рву. Но сначала обратимся к истории площади, неразрывно связанной с собором. Само по себе ее название Красная, иначе говоря, по-славянски, красивая, вошло в обиход лишь во второй половине XVII века. А появилась площадь в конце XV столетия, когда строивший кирпичный Кремль великий князь Иван III освободил здесь место для торговли. Отсюда и пошло первое название ее – Торг. Но в 1508–1516 годах вдоль кремлевских стен был прорыт для оборонных целей ров, через который к проездым кремлевским воротам перекинули мосты. Во всю длину рва встали каменные зубчатые стены. В XVI веке здесь стояла деревянная церковь Троицы, собственно и площадь стала именоваться Троицкой.

Красная площадь. Конец XIX в.

С постройкой Китай-города площадь вошла в его состав, а в 1530-х годах на ней соорудили Лобное место (лоб – край обрыва, которым кончалась площадь со стороны Москвы-реки). На Лобном месте объявлялись правительственные указы, обращались с речами к народу цари и патриархи, происходили богослужения. Следующими стали появляться на Лбу, или на Взлобье, деревянные церкви, которые ставились во время похода Ивана Грозного на Казань в память одержанных побед. Когда поход завершился присоединением Казани к Московскому государству, Иван Грозный приказал объединить все «походные» деревянные церкви в один каменный храм во имя Покрова Богородицы – дня, в который пала Казань. Храм строился в 1555–1561 годах. Имена его строителей точно не установлены. Возможно, Барма и Постник, которых обычно называют, действительно представляли одно лицо. Существует и мрачная легенда о том, что Грозный, увидев созданное зодчими чудо, приказал их ослепить, чтобы они нигде и никогда не могли повторить подобного храма.

Первоначально собор объединял 8 отдельных церквей, символизирующих дни решающих боев за Казань, но в 1588 году к ним была пристроена девятая – над могилой московского юродивого Василия Блаженного. Еще позже, в 1670-х годах, ансамбль собора дополнила колокольня. В XVII же столетии собор изменил свой внешний вид. Первоначально он был просто

кирпичным, в XVII столетии его покрыла яркая пестрая орнаментная роспись. Василий Блаженный стал таким, каким мы привыкли его видеть.

Очень характерным для московского быта был и сам образ высокочтимого святого. Блажь, иначе – юродство, воспринималась в Древней Руси как вид подвижничества. Василий Блаженный обличал жестокость и бесчеловечность Ивана Грозного, и царь покорно выслушивал его обвинения. Был Василий коренным москвичом, родился в пригородном селе Елохове, где сегодня стоит московский кафедральный Елоховский собор, в крестьянской семье. Родители его отдали учиться сапожному мастерству, но однажды у совсем еще юного Василия обнаружился дар предвидения. О пришедшем заказать сапоги заказчике он сказал, что тот на следующий день умрет, что и произошло. И тогда 16-летний Василий оставил хозяина, родителей, принял на себя подвиг юродства, без крова и одежды, возложив на себя вериги. Василий Блаженный, между прочим, предсказал страшный московский пожар 1547 года, в котором погибла большая часть Москвы и много людей. Прямота и честность святого так ценилась москвичами, что и красивейший в столице собор они стали называть его именем.

Красная площадь. Памятник Минину и Пожарскому. Конец XIX в.

Сады московские

Документов было множество. Ходатайств. Обращений. Заключений. Титулованных подписей еще больше. Шел затянувшийся на годы спор об установке памятного знака – надгробия Степану Разину на территории... Центрального парка культуры и отдыха. Там, и только там. По словам автора (одновременно директора ООО «Фирма Колибри – Ч»), «предлагается готовый памятный знак Степану Тимофеевичу Разину (1630–1671 гг.), выполненный из камня красного цвета (сюксю-янсааре), общим размером 3×3 м, высотой 0,64 м, на котором, как на подиуме, размерена остроконечная, как топор-колун, призма, размером в основании 1,5×1,5 м, высотой 1 м, в камне черного цвета, из габро». Иными словами, образ воткнутого в плаху топора.

Безапелляционной выглядела и мотивировка: «В России имеется народный герой, которого любят люди, равнодушные к нашей многострадальной истории. За 100 лет до Великой французской революции С. Т. Разин в беседах с В. Усом предлагал парламентскую республику (управление Россией казачьим кругом), чем опередил свое время. Его называют русским Кромвелем, хотя он гораздо его значимее для нашей страны, в историческом смысле, по мнению историков. Памятник С. Т. Разину в 1919 году был открыт на Красной площади, в центре Лобного места. Вот почему увековечивание памяти С. Т. Разина находит отклик в сердцах людей разных политических взглядов». Одним из таких энтузиастов стал председатель Российской товарно-сырьевой биржи Константин Боровой.

Не увидело никаких препятствий к установлению надгробия и руководство ЦПКиО, подобрав подходящее место – «вблизи кафе «Времена года» и эстрады, рядом с забором парка.

Не вдаваясь в сравнительный анализ значения английского Кромвеля с русским Разиным, нельзя не начать с того, что место «погребения» последнего не установлено никакими источниками. Волей-неволей приходится вспомнить обстоятельства смерти Степана Тимофеевича: на Красной площади его четвертовали – лишили рук и ног, а уж потом головы. Голову и конечности, по приказу царя Алексея Михайловича, воткнули на высокие шесты на Болоте «до исчезновения» (возможно, на месте нынешнего памятника педофилам и наркоманам), туловище бросили на съедение собакам. Шесты продолжали стоять на Болотной площади еще пять лет спустя, куда их ездили смотреть иностранные гости, уже после кончины царя. Что же касается отданных голодным собакам останков, то, что от них осталось, не могло ни по каким тогдашним условиям найти себе место на кладбище, будь оно мусульманским, по утверждению автора знака, или православным.

Но все это относится к далекому прошлому. Куда удивительнее настоящее. Положим, возникает сама по себе идея и начинает бурно развиваться в январе 1992 года, иначе говоря, на волне нашей демократии. То, с чем сталкивается сегодня Комиссия по монументальному искусству, дважды единогласно отклонившая предложение, рецидив. И как дань изменившимся обстоятельствам в проекте появляется знаменательный абзац: «Памятный знак С. Т. Разину предлагается вместе с озеленением (проект имеется), причем после озеленения этот памятный знак будет окружен специально подобранными деревьями, которые будут прикрывать этот памятный знак. Этот небольшой уголок парка им. А. М. Горького будет носить уютный, камерный характер, где можно будет поразмышлять о судьбах нашей Великой Родины».

Упоминание об уютном характере уголка вполне своевременно, потому что на сегодняшний день в этой части парка царит запустение, если не прибегать к более сильным определениям. Никто не вспоминает, что занимающий более 100 гектаров ЦПКиО был спроектирован в 1928 году такими мастерами, как архитекторы А. В. Власов, К. Н. Мельников, Л. М. Лисицкий, на территории Всероссийской сельскохозяйственной и кустарной выставки 1923 года, а также

Нескучного сада и прилегающей к нему части Воробьевых гор. Это был памятник садово-паркового искусства, по-своему развивавший традиции Москвы.

Приехавшие в столицу Московского государства при том же царе Алексее Михайловиче восточные патриархи, которые понадобились царю для «одоления» Никона, были поражены не только размерами города, удобством его расположения, но едва ли не прежде всего обилием садов. По выражению одного из членов свиты, перед ними предстали «зеленые кущи», в которых тонули постройки.

Казалось бы, кто не знает, как выглядела Москва 300 с лишним лет назад! Достаточно вспомнить хотя бы школьные учебники, виды старой Москвы Аполлинария Васнецова. Громады почерневших срубов. Выдвинутые на улицы широченные крыльца. Просторные – хоть на тройках разъезжай! – дворы. И на уличных ухабах разлив пестрой толпы.

Но пришли археологи. Раскопки велись и раньше. Только как в сплошном застроенном городе всерьез и обстоятельно заниматься раскопками. Москва – не Новгород Великий. Урывками это удавалось при строительстве метрополитена, более или менее широко при сносе всего древнего Зарядья для строительства гостиницы «Россия», на Манежной площади. И тем не менее открытия оказались сенсационными.

Да, Москва и на самом деле тонула в ухабах. На 200 тысяч ее населения (всего в середине XVII столетия население государства составляло двенадцать с половиной миллионов человек) приходилось четыре с половиной километра бревенчатых и дощатых мостовых, иначе говоря, «мостов» через непролазную грязь. Да еще предполагалось проложить 155 сажен по Арбату.

Нескучный сад. Дворец. Начало XX в.

А вот огромных рубленых домов археологи не обнаружили. Нигде. В Китай-городе, например, существовал стандарт – четыре на четыре метра, в Зарядье и вовсе четыре на три. И это при том, что в каждом доме имелась занимавшая около четырех квадратных метров большая русская печь – пережить без нее зиму семье не представлялось возможным. Далеким воспоминанием остались московские дома начала XVI столетия. Тогда они, случалось, рубились и по тридцать квадратных метров с такой же почти по площади пристройкой для скота. Средневековый город теснился все больше и больше.

Что же касается архитектуры, то Аполлинарий Васнецов варьирует все разнообразные формы знаменитого (и единственного в своем роде!) дворца в Коломенском. В обычной же московской практике все сводилось к простым срубам и пятистенкам. Внутри дом перегородками не делился. Да и что делить на двенадцати квадратных метрах! Тесно, очень тесно

даже для тех условных пяти человек, которые, согласно статистике, жили на одном московском дворе.

Строили москвичи легко и быстро. В деревянных домах обходились вообще без фундамента. Копали яму глубиной до материкового песка, в который на 20–25 сантиметров углубляли сруб. Вынутый песок шел на засыпку завалинок – бороться с холодом и сыростью приходилось постоянно. Жилой сруб рубился из хвойных пород деревьев, хлев – из дуба. Хитрость заключалась в том, что в первом случае сосна или ель обеспечивали вентиляцию дома в силу структуры древесины, во втором – по той же причине лучше сохранялось выделяемое скотиной тепло. Самый сруб обычно покупался на торгу, причем – что особенно поражало иностранцев – во всей стране применялся единственный строительный модуль. Купленный, скажем, в Вологде или Архангельске прируб идеально подходил к московскому или нижегородскому дому.

На рисунках иностранных художников, приезжавших в составе разных посольств, московские дома – это узкие высокие башенки с подслеповатыми прорезями мелких окон, многоэтажные и совсем не похожие на обычную избу, как мы ее себе привыкли представлять. Боязнь холода и сырости заставляла высоко поднимать уровень пола. Сруб вытягивался в высоту, так что между землей и деревянным полом образовывался лишенный окон – «глухой» – подклет. Эта часть сруба имела большое значение для хозяйства: в ней хранились съестные припасы. Любопытно, что никто и никогда из москвичей не жаловался на тесноту. К тому же обычный московский дом не был лишен удобств; из широких досок пол, жаркие печи, прозрачные слюдяные окна. Во второй половине XVII века в столице их полно даже у простых посадских людей. А качеством слюды, подчас неотличимой на первый взгляд от стекла, Москва славилась.

Крыльца самые нарядные, даже в богатейших московских домах никогда не выходили непосредственно на улицу, как то изображал Аполлинарий Васнецов. Больше того, крыльцо не было видно с улицы. Дома отступали в глубину двора. Впереди помещались хозяйственные постройки, огород, колодец, с обычным для Москвы журавлем, погреб, представлявший яму метровой глубины. На дворе, если донимала сырость, копали дренажную канаву – по стенкам плетень, сверху жерди, делали деревянный настил для прохода.

Хозяева побогаче тратились на специальную хитроумную мостовую. На земле крепились прямоугольной формы деревянные лаги, а образовывавшиеся квадраты плотно забивали сучьями и землей. Главной задачей было отгородиться от других, спрятаться понадежнее от любопытных глаз. И вырастали вокруг каждого двора плотные высокие ограды: реже – плетни, чаще – частоколы из бревен.

Для археологов московские частоколы – своеобразный ориентир во времени. В домонгольский период тонкие – из кольев толщиной 3–4 сантиметра, они с годами приобретают настоящую несокрушимость. Уже с конца XIV века все участки в Китай-городе окружены лесом еловых бревен 20–25 сантиметров толщиной. Под стать им и ворота – глухие, со сложным железным подбором. Общих между дворами оград не было. Каждый огораживался сам по себе, а между частоколами оставались промежутки «вольной» в два – два с половиной метра шириной. Они служили и проходом и сточной канавой одновременно. Поставить частокол – большое событие и трата, хотя московский двор, вопреки представлениям Аполлинария Васнецова и его современников, совсем невелик.

Конечно, существовали дворы боярские – с вольно раскинувшимися службами, садом, иногда и собственной церковью. Но таких было мало. Самый распространенный надел под двор в Москве уже в XIV веке, не говоря о XVII, не больше двух нынешних соток. Две сотки на семейный дом – все хозяйство, да еще непременно огород и сад!

Может быть, причина в столичной, именно столичной, тесноте? Но в том-то и дело, что и в далеких от столицы городах – Устюге Великом или, скажем, Вологде в те же годы наделы под дворами были нисколько не больше. Жили, например, в Устюге на улице Здыхальне три

брата-иконника и имели под своим общим хозяйством пять соток, а их товарищ по ремеслу на улице Клин ютился и вовсе на 135 квадратных метрах земли. Просто такой была жизнь в средневековом городе, будь то Лондон, Варшава или русская столица, хоть это и не совпадает с нашими хрестоматийными представлениями.

Обращаться с землей умели. Урожаи получали большие, а в «Домострое» так прямо и утверждалось, что только плохой, нерадивый хозяин старается увеличивать запашку, тогда как настоящий «осударь» заботится об увеличении урожая и не дает земле лежать впусе.

В домонгольский период сеялся на московских дворах даже хлеб, и вплоть до XV века порвать с сельским хозяйством Москва полностью не могла. Но после Смутного времени стали рассчитывать москвичи только на покупной хлеб. Приобретали его на торгах и мололи дома на ручных жерновах – обычная женская обязанность. Подобные жернова археологи находят почти в каждом московском доме.

Много держали москвичи скотины. Больше всего коров, потом свиней, лошадей, овец и коз, последних обычно ценили за их неприхотливость. Молоко обрабатывалось тут же дома вручную мутовками, которые делались из суковатых веток. Из молока сбивалось масло, изготавливались творог и сыр.

Во время многочисленных постов животные жиры полностью заменяли в пище конопляное и льняное масло... Следы посевов льна и конопли археологи нашли на месте нынешнего Китай-города.

На московских столах всегда было вдоволь свежей рыбы, а по берегам Яузы и Москвы-реки располагались многочисленные рыбокопильни. Зато ни дичи, ни вообще продуктов охоты в обиходе простых москвичей не встречалось. Погреба были заполнены всякого рода соленьями.

Сегодня трудно себе представить, как обходилась русская кухня без картофеля и свеклы, тогда еще Московскому государству незнакомых. Зато их место занимали три вида овощей – огурцы, которые москвичи запасали в огромных количествах и ели, к величайшему удивлению иностранцев, как яблоки, а также тыква и капуста.

По капустному духу узнавали русские селения и города – у народа была привычка употреблять капусту по меньшей мере два, а то и три раза в день. С тарелки густых щей начиналось каждое утро, и без нее не обходился тем более ни один обед. Очень много шло в пищу чеснока, хрена и репы во всех видах.

Однако говорить об особенной дешевизне продуктов не приходилось. Тысяча штук огурцов стояла 9 с половиной алтын – 22 с половиной копеек, и это при том, что плотник зарабатывал в день три, а печник четыре копейки. Кадь соленых огурцов – 30 копеек, чан кислой капусты – 60 копеек, а ведро рыжиков – 9 алтын. Цена сена – 7 алтын за «острамок», всего же лошади на месяц требовалось три «острамка».

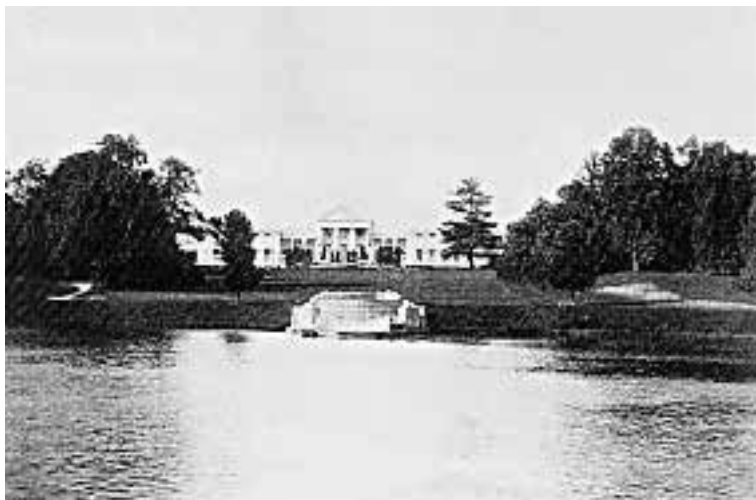
Поэтому источником благосостояния семьи становилось и бережное отношение к собственному имуществу, правильное ведение хозяйства, тем более умение обходиться со своим, пусть совсем крохотным городским огородом и садом. И сады – это сокровище Москвы.

Иностранцы не переставали удивляться. В России по сравнению с любой европейской страной «легче достать плодов, нежели в другом месте, каковы, например, яблоки, сливы, вишни, крыжовник, смородина, дыни, морковь, петрушка, хрен, редька, тыква, огурцы, серая и белая капуста, лук, чеснок...».

А знала русская столица три вида садов. Первый располагался прямо во дворе и зависел от его размера. Двор тяглеца Барашской слободы, неподалеку от Покровских ворот, Ивана Воронова имел, например, «яблонь и груш 37 деревьев». Двор другого бараша, Василия Мордвинова, – «три яблони и груша». Характерный расчет представлял двор певчего дьяка Ивана Новгородца на Поварской улице – «24 дерева яблоней, 2 груши да смородина красная» на пло-

щадке примерно 1500 кв. метров. Во дворе гостиной сотни Еремея Цынбальникова имелся огород, а в огороде сад – яблони и груши, вишни, малина, смородина трех сортов.

Особенностью московского городского сада было обязательное сочетание яблонь и груш. Сортов москвичи знали множество. Ягодники были представлены клубнищей, черносливом, крыжовником, смородиной красной, черной и белой, барбарисом, сереборинником – шиповником красным и белым, малиной и вишней. Большие урожаи вишни и малины позволяли продавать их на рынках. Между тем кузов малины ценился очень высоко – 11 алтын.

Кузьминки. Большой дворец. Начало XX в.

Второй вид садов в Москве представляли «верхние», или «висячие», «уряжавшиеся» на кровлях каменных строений и даже церквей. В Московском Кремле самыми большими оставались верхний и нижний набережные сады, спускавшиеся с вершины к подножию Боровицкого холма со стороны Москвы-реки. Меньшими размерами отличался сад, разбитый к востоку от алтаря домово́й церкви Петра и Павла, на кровле подклета.

Принцип организации «висячих» садов сводился к тому, что кровля здания покрывалась спаянными между собой свинцовыми досками, края которых загигались вверх на высоту до 90 сантиметров. Образовавшаяся емкость заполнялась составленной по особому рецепту землей. Высаживались в эту землю грецкие орехи, плодоносившие в условиях Москвы, персиковые деревья, барбарис, сереборинник, яблони и груши. Деревья настолько хорошо приживались, что даже после того, как Набережный дворец был давно заброшен и уход за садами прекращен, в них продолжали плодоносить в 1737 году, при императрице Анне Иоанновне, 24 яблони и 8 груш.

Вода в «висячие» сады доставлялась водопроводной системой, позволявшей наполнять и небольшие пруды с зеркалом до 200 кв. метров. На одном из таких кремлевских прудов и совершал свои первые поездки под парусом в игрушечных суденышках Петр I.

Что касается третьего вида садов – в вотчинах и поместьях, то разводились они далеко не всегда, хотя плодовые деревья и ягодники придавали владениям особую ценность. На учете было каждое плодое дерево, если оно росло на крестьянской или церковной земле. Возраставшая с течением времени потребность в садах удовлетворялась выделением земель в Москве под загородные дворы, обычно используемые для разведения плодовых деревьев и ягодников. В 1648 году устанавливается единая мера на них: боярам – около двух гектаров, окольных – около полутора, думным дьякам – 8 тысяч кв. метров, стольникам – 3600, стряпчим и московским дворянам – около двух тысяч квадратных метров и подьячим – около семи соток. В пределах Земляного города надел сокращался вдвое.

Стремление к расширению садов во второй половине столетия совмещается со стремлением к расширению круга общеупотребительных культур. Несмотря на неудачи отдельных опытов, упорно повторяются посадки кипарисов, пихты. Удаётся получать урожаи кедровых орехов, благодаря специальным мерам утепления – орехов грецких и «цареградских». Хорошо приживаются тутовые деревья. Москва и ближайшее Подмосковье насчитывают к тому же времени многие тысячи корней взрослых деревьев, не считая повсеместно заложенных питомников с саженцами. В селе Пахрине, например, опись отмечает «позади овечья двора тутовый сад, а на нем 5000 древ да 4 гряды больших, на них посеяно тутового дерева семени».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.